

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

З. С. ПАПЕРНЫЙ

ГОГОЛЬ В ВОСПРИЯТИИ ЧЕХОВА

В исследовательской литературе не раз сопоставлялось творчество Гоголя и Чехова, природа комического в их произведениях [1—3]. Так, в статье Г. П. Бердникова говорится о том, что Чехов вдумывался «в технику комического, в частности, в природу комического гоголевской „Коляски“, гоголевской „Женитьбы“, достоинство которых он ценил чрезвычайно высоко» [2, с. 141].

Обращение к рассказу и пьесе Гоголя в контексте разговора о природе комического действительно имеет серьезные основания, в частности, потому, что и «Коляска», и «Женитьба» строятся по принципу несовершеншающегося сюжета. Обе истории заканчиваются конфузом. Помещик Чертокуцкий приглашает господ офицеров к себе отобедать и посмотреть замечательную, по его мнению, коляску, но начисто забывает об этом за пуншем. На следующий день его будит жена — приехали офицеры. Чертокуцкий в панике прячется от них. И не просто прячется. Схватив халат, он бежит в экипажный сарай, «полагая там положение свое совершенно безопасным» [4, т. III, с. 188].

Говорят, что от великого до смешного один шаг. Когда речь идет о Гоголе, можно сказать: от смешного до великого один шаг. То, что герой, спасаясь от гостей, бежит для большей верности в сарай, где стоит коляска, неожиданно вызывает ассоциацию с античным мифом. Эдип, чтобы не оправдалось грозное предсказание оракула, удаляется от родителей, — но тем более неотвратима его встреча с ними и с судьбой. Убегая от нее, он, оказывается, бежит ей навстречу. Узнав от лакея, что барина нет дома, офицеры решают хотя бы посмотреть коляску. Ее выкатывают из сарая на свет божий. И тут, перед гостями предстает Чертокуцкий — в коляске, «сидящий в халате и согнувшийся необыкновенным образом» [4, т. III, с. 189]. Можно сказать, что необыкновенным образом «изогнулся» и сюжет: в самом деле, Чертокуцкий собирался показать господам офицерам свою коляску, а кончается все, наоборот, тем, что коляска демонстрирует спрятавшегося, застегнувшегося кожей Чертокуцкого.

В. Поссе рассказывает в своих воспоминаниях о таком разговоре М. Горького и Л. Толстого:

«— Ну, это просто анекдот, — вставил Горький.

— Что же анекдот?! — возразил Толстой. — Вот „Коляска“ Гоголя тоже анекдот, а между тем, ее, пожалуй, будут и тогда читать, когда нас с вами не будет» [5, с. 118].

Известно, что и Чехов восторгался «Коляской». «...Как непосредственен, как силен Гоголь и какой он художник! Одна его „Коляска“ стоит двести тысяч рублей. Сплошной восторг и больше ничего. Это величайший русский писатель», — говорит он в письме к А. С. Суворину (начало мая 1889 г.) [7, т. 3, с. 202]. В другом письме он, упоминая председателя зем-